Незабытое

Анна Ларен

Анна Ларен

Незабытое

«Автор»
2026

Ларен А.

Незабытое / А. Ларен — «Автор», 2026

Софи давно любит Алана, друга своих братьев. Он же привык видеть в ней девочку, с которой можно смеяться, спорить и быть беззаботно нежным. Однажды Софи невольно выдаёт свою тайну. А вскоре Алан уезжает.Через два года он возвращается — и обнаруживает, что прежняя близость стала почти невозможной. Софи по-прежнему знает каждую его улыбку, но теперь от случайного прикосновения обоим трудно перевести дыхание. А её внимание приходится делить с другим мужчиной.Софи больше не хочет искать обещания в дружеской нежности. Алану предстоит понять, почему мысль потерять её стала невыносимой, — и найти слова, которых она ждала слишком долго.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Хэмпшир, май 1828 года 5
Глава вторая 13
Глава третья 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Анна Ларен
Незабытое

Глава первая

Хэмпшир, май 1828 года

В то утро Софи решила не выходить к Алану сразу.

Она услышала его голос из холла, когда складывала письмо к кузине, и ещё несколько мгновений честно занималась своим делом: прижала сгиб, отодвинула чернильницу, нашла промокательную бумагу. Внизу засмеялся Томас. Алан что-то ответил, но слов было не разобрать, и Софи встала, чтобы закрыть дверь.

Дверь она оставила открытой. Зато вспомнила, что обещала матери спуститься за образцами лент.

В малой гостиной Алан стоял у окна, держа в руках испачканную глиной подкову. Томас доказывал ему что-то с видом человека, чья честь поставлена под сомнение. Эдвард, сидевший возле матери, улыбался, не поднимая глаз от письма.

– Это ничего не доказывает, – сказал Томас.

– Разумеется. Только то, что я нашёл её под самой изгородью. А следы твоего серого оттуда уходили обратно к дороге.

– Я сказал, что он мог бы её перепрыгнуть.

– Теперь, когда она лежит на земле, – вставила Софи.

Алан обернулся.

– Вот и свидетель. Доброе утро, Софи. Ты спасла меня от необходимости выслушать эту историю до конца.

Он протянул ей свободную руку, и она вложила в неё свою – так привычно, что лишь потом почувствовала, как холодны её пальцы по сравнению с его ладонью.

– Я не видела, как Томас прыгал через изгородь. Зато видела изгородь. Она лежит со вторника.

Мать покачала головой.

– Надеюсь, вы не станете обсуждать здесь все ограды в округе. Алан, положите эту ужасную вещь хотя бы на подоконник.

– Простите, миссис Уитфилд. Я принёс её как доказательство, но, кажется, достаточно было позвать вашу дочь.

Он отпустил Софи и положил подкову на сложенную газету. Она осталась возле него, хотя могла бы сесть рядом с матерью. От его сюртука пахло свежим воздухом и лошадью. Тёмные волосы над виском были ещё чуть влажными; должно быть, он сполоснул лицо после дороги и торопился, как всегда, когда ехал к ним. Здесь его никто не заставлял являться к определённому часу. Его просто ждали.

– Ты писала? – спросил он.

Софи удивлённо посмотрела на него.

– Откуда ты знаешь?

Алан коснулся пальцем собственной щеки.

Она тотчас потёрла щёку. На перчатке остался чернильный след.

– Теперь стало ещё лучше, – заметил Томас.

– Вот так, – сказал Алан, вынул платок и, не переставая слушать её брата, легко провёл им у неё возле скулы.

Софи замерла. Он делал это без малейшего смущения, точно снимал приставший к платью лист. Она видела совсем близко его рот, небольшую складку у щеки; ей захотелось поднять глаза, но она побоялась, что он что-нибудь в них заметит.

– Готово. В следующий раз пиши пером, а не щекой.

– Непременно попробую, – ответила она и даже сумела улыбнуться.

Алан уже повернулся к Эдварду.

Софи отошла к матери за лентами. Ей было досадно и на себя, и немного на него. Впрочем, на него она сердилась недолго: он ничего не обещал, ничего не отнимал и, вероятно, вообще не заметил, что произошло. Именно это и было обиднее всего.

Восемнадцать ей исполнилось в феврале. По этому случаю мать позволила перешить два платья и подарила ей маленькую золотую брошь. Томас объявил, что теперь ей следует иметь собственные мнения, – и за завтраком немедленно оспорил первое же из них. Алан прислал корзину цветов и приехал к обеду. Софи помнила каждое его слово в тот вечер, хотя ничего особенного он тогда не сказал.

Она давно привыкла его любить. Новым оказалось то, как трудно стало рядом с ним вести себя по-прежнему.

– Мы едем к южному лугу, – сказал Алан. – Ты с нами?

Софи подняла голову слишком быстро.

– Если вы меня возьмёте.

– Попробовали бы мы тебя не взять, – отозвался Томас.

Мать попросила их вернуться до полудня. После обеда ожидали миссис Нортон, а Софи ещё предстояло переписать для неё песню. Софи пообещала всё успеть и пошла переодеваться, стараясь не торопиться до тех пор, пока её было видно из гостиной.

У конюшни Алан держал под уздцы её гнедую кобылу. Софи подошла, подхватив длинную юбку тёмно-синей амазонки. Он оглянулся на звук шагов, что-то сказал конюху и повернулся к ней.

– Ты опять надела эти перчатки.

– Они удобные.

– Они тебе велики.

– Зато в них помещаются все пальцы.

– Достоинство, которого нельзя недооценивать.

Она рассмеялась. С ним легко было смеяться – гораздо легче, чем потом вспоминать, как именно он посмотрел на неё в эту минуту.

Алан помог ей сесть. Софи опёрлась на его плечо и, уже устроившись в седле, почувствовала, что всё ещё держится за него. Он проверял подпругу и этого не заметил. Она убрала руку раньше, чем он выпрямился.

На лугу Томас предложил ехать наперегонки до старого вяза. Эдвард отказался: его конь недавно захромал, и он взял другую лошадь, которую не хотел гнать по непросохшей земле. Алан посмотрел на Софи.

– А ты?

– Если потом не станешь утверждать, что нарочно мне уступил.

– В таком случае мне придётся выиграть.

Он действительно выиграл, но совсем ненамного. Софи подъехала к вязу раскрасневшаяся, с выбившейся из-под шляпы прядью. Алан успел развернуть лошадь и теперь смотрел на неё с весёлым ожиданием.

– Ты начал раньше, – сказала она.

– Конечно. И конь у меня сговорчивее.

– И дорога под твоими копытами была суше.

– Пожалуй, тебе следует написать жалобу отцу. Пусть велит осушить луг с твоей стороны.

Софи рассмеялась и отвела прядь со лба тыльной стороной перчатки. Алан наклонился, вынул зацепившийся за ленту шляпы сухой лист и показал ей.

– Вот что тебя задержало. Непомерная тяжесть.

Она хотела ответить, но ветер принёс запах примятой травы, лошади стояли почти вплотную, и он всё ещё был совсем близко. Софи смотрела на его пальцы с зажатым между ними листом. Ей вдруг стало очень хорошо и почти сразу грустно: через минуту он отъедет, заговорит с Томасом, забудет этот пустяк.

Так и случилось.

Обратно она ехала рядом с Эдвардом. Тот рассказывал о письме знакомого, который предлагал ему помочь с управлением небольшим имением. Эдвард собирался съездить туда и посмотреть всё самому.

– Ты хочешь уехать из дома? – спросила Софи.

– Пока только хочу понять, стоит ли соглашаться.

– А если стоит?

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

– Тогда уеду. Не очень далеко.

Софи кивнула. Ей не нравилось, когда кто-нибудь из близких собирался уезжать, хотя она понимала, что нельзя всю жизнь держать братьев возле себя. Впереди Алан обернулся на слова Томаса, и утренний свет упал ему на лицо. Софи невольно подумала, что он, по крайней мере, никуда не собирается. Его дом был всего в нескольких милях от их дома. Он мог приехать завтра, послезавтра, в любой день.

Она так привыкла к этому, что даже не называла такую уверенность счастьем.

После прогулки Алан остался обедать. За столом спорили о дорогах, о новом садовнике Нортонов, о том, будет ли лето сухим. Мистер Уитфилд спросил Алана, получил ли тот ответ из Франции. Он ответил, что письмо пришло вчера, но Томас тут же заговорил о лошадях, и Софи не расслышала продолжения.

Она ждала случая спросить, поедет ли Алан вечером к Нортонам. Ей хотелось показать ему новое платье: на его пошив ушло немало уговоров, и теперь Софи почти нравилось собственное отражение. Но разговор всё время уходил в сторону, а когда они поднялись из-за стола, Алан ушёл с её братьями осматривать молодую лошадь.

Софи проводила их взглядом и отправилась за обещанной песней.

Ноты лежали в отцовском кабинете. Накануне отец просил её сыграть ему одну мелодию, а потом унёс листы вместе с газетой. Софи нашла их под раскрытым атласом и уже собиралась уйти, когда заметила на краю стола небольшую бутылку.

Внутри была груша.

Софи поставила ноты на место и подошла ближе. Стекло слегка искажало очертания плода, но груша была настоящая: с тонкой кожицей, бурым пятнышком возле хвостика и неровным боком. При этом горлышко бутылки было таким узким, что через него едва прошли бы два пальца.

Она взяла бутылку и повернула к свету. Ни шва, ни следа склейки не было. Можно было бы предположить, что стекло выдули вокруг груши, но от этой мысли получалось ещё непонятнее.

Пробка поддалась легко. Софи понюхала напиток и удивилась: пахло так, будто грушу только что разрезали. На подносе возле шкафа стояли маленькие рюмки. Она налила совсем немного, попробовала, закашлялась и поспешно поставила рюмку.

Вкус оказался крепче запаха. Зато потом во рту осталась сладость, и Софи решила, что в первый раз просто слишком поторопилась.

Со второй попытки вышло лучше.

Она снова принялась разглядывать грушу. Напитка в бутылке стало чуть меньше, и плод легче перекатывался внутри. Если наклонить бутылку, хвостик оказывался возле самого горлышка. Софи подумала, что, возможно, сумеет подцепить его и подтянуть грушу выше. Тогда стало бы видно, мягкая ли она. Вдруг её всё-таки как-то сжали, прежде чем поместить внутрь?

Когда в коридоре послышались шаги, она сидела на краю отцовского стола и пыталась понять, как теперь вынуть пальцы.

Дверь открылась.

– Так и знал, что ты здесь, – сказал Алан. – Твоя матушка ищет ноты, миссис Нортон уже…

Он остановился.

Софи улыбнулась ему. Она была рада, что вошёл именно он: присутствие Алана всегда делало затруднения менее серьёзными.

– Ты ведь знаешь множество совершенно бесполезных вещей?

– Я предпочитаю думать, что все они однажды пригодятся.

– Тогда ты пришёл вовремя. Посмотри.

Она показала бутылку. Алан подошёл и взглянул на неё, потом на рюмку, на мокрый след возле промокательной бумаги и наконец на Софи.

– Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь достать грушу.

– Это я вижу. Зачем?

– Чтобы понять, как она туда попала.

Он помолчал, и Софи поняла, что сейчас он рассмеётся.

– Алан, не надо. Я уже сама вижу, что начала не с того конца.

Он всё-таки засмеялся, но не так громко, как она ожидала.

– Сколько ты выпила?

– Немного.

Он посмотрел на рюмку.

– Она маленькая, – пояснила Софи.

– А сколько раз ты её наполняла?

Ей пришлось задуматься. Алан перестал улыбаться.

– Софи.

– Два. Кажется. Первый раз было совсем на донышке. Я же не знала, что он такой крепкий. Он пахнет грушей.

– Потому что это грушевый напиток.

– Теперь я это понимаю.

У неё немного кружилась голова, но вовсе не неприятно. Кабинет казался теплее обычного, и она была уверена, что говорит вполне разумно. Только Алан почему-то смотрел так, словно каждое её слово подтверждало самое дурное предположение.

– Дай сюда, – сказал он и взял бутылку за дно.

Софи не отпустила.

Он поднял глаза.

– С удовольствием бы отдала, – призналась она. – Но я не могу вынуть пальцы.

Он тихо выдохнул, и в этом звуке одновременно слышались смех и отчаяние.

– Давно?

– С тех пор, как услышала твои шаги. До этого я думала, что могу.

– Больно?

– Пока нет. Только не тяни.

– Я и не собираюсь.

Он придвинул стоявший возле стола стул, но Софи покачала головой: ей было удобнее сидеть здесь. Алан поставил бутылку на стол, поддерживая её руку, и наклонился, чтобы рассмотреть горлышко.

Теперь он находился так близко, что она видела светлую пыль на плече его сюртука. Софи свободной рукой смахнула её. Он даже не поднял головы.

– На ветку надевают пустую бутылку, – сказал он. – Когда груша ещё маленькая. Потом она растёт внутри.

Софи посмотрела на него.

– Прямо на дереве?

– Да.

– И бутылка всё лето висит на ветке?

– Полагаю, её ещё чем-нибудь поддерживают. Иначе она оборвёт ветку раньше, чем ты успеешь её выпить.

Софи засмеялась. Объяснение было таким простым, что она почувствовала себя обманутой.

– Значит, она никогда не проходила через горлышко.

– В отличие от твоей руки.

– Ты теперь всегда будешь это вспоминать?

– Пока не знаю. Всё зависит от того, удастся ли нам вернуть тебе пальцы.

Он поднял её руку чуть выше и попросил расслабить кисть. Софи послушно разжала плечо, но пальцы от этого только сильнее упёрлись в стекло.

– Не всю руку. Вот здесь. Ты согнула их, когда пыталась зацепить грушу.

Он коснулся её ладони. У Софи сбилось дыхание, и она сердито посмотрела на собственную руку: сейчас было совсем неподходящее время чувствовать что-нибудь подобное.

Алан заметил её лицо.

– Всё-таки больно?

– Нет.

– Тогда не хмурься. И в следующий раз, когда тебе захочется провести опыт, позови меня.

– Ты бы не позволил.

– Ты совершенно права.

– И сказал бы, что я веду себя как ребёнок.

– А ты считаешь, что сейчас у меня нет оснований так говорить?

Софи опустила глаза. Он произнёс это ласково; должно быть, даже хотел её успокоить. От его спокойного голоса вдруг стало невыносимо обидно.

Алан продолжал осторожно поворачивать бутылку.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказала она.

– В таком случае тебе известно, что я сейчас думаю о пробке.

– Ты думаешь, что я ещё маленькая.

Он посмотрел на неё с улыбкой.

– Я думаю, что тебе следует держаться подальше от отцовского шкафа.

Софи помолчала. Его рука обхватывала её запястье, и она смотрела на его пальцы, надеясь, что сумеет не сказать того, что уже поднималось к горлу. Но он был здесь, рядом, и всё казалось таким очевидным, что молчать было почти нелепо.

– Ты мне нравишься совсем не так, как Томас и Эдвард.

Его рука остановилась.

На какое-то мгновение в кабинете стало очень тихо. Софи слышала, как в коридоре прошёл кто-то из слуг, как скрипнула половица за дверью. Потом Алан снова взглянул на бутылку.

– Боюсь, твои братья окажутся весьма оскорблены таким сравнением.

Она поняла, что он пытается ей помочь. Оставляет возможность рассмеяться, согласиться, сказать что-нибудь ещё столь же глупое и тем самым всё исправить.

Ей не хотелось ничего исправлять.

– Алан, я серьёзно.

Он поднял голову. Софи выдержала его взгляд, хотя теперь ей хотелось спрятать лицо у него на плече. От этой мысли она покраснела ещё сильнее.

– Ты выпила больше, чем следовало, – негромко сказал он.

– Но я и раньше так думала.

Он отвёл глаза первым.

Софи почувствовала короткую, почти счастливую растерянность. Она никогда прежде не видела его таким. Ей вдруг захотелось успокоить его, сказать, что ему вовсе не обязательно немедленно отвечать. Но нужных слов не нашлось, а бутылка, которую она невольно потянула к себе, больно сдавила пальцы.

– Осторожнее, – сказал Алан. – Дай мне твою руку. Всю, вот так.

Он шагнул ближе, встал возле самого края стола и положил её кисть себе на ладонь. Чтобы не тянуться за ним, Софи опёрлась свободной рукой о его плечо.

Её волосы задели его подбородок.

Алан перестал двигаться.

Софи почувствовала это раньше, чем увидела: под её ладонью напряглось его плечо, пальцы на запястье на мгновение сомкнулись крепче. Она подняла лицо. Он был так близко, что ей пришлось немного откинуться, чтобы встретиться с ним глазами.

Улыбки больше не было.

Она не знала, что изменилось в его взгляде, но от этого взгляда у неё стало жарко под воротом платья. Ещё минуту назад можно было говорить, смеяться, сердиться на себя. Теперь любое движение казалось слишком заметным. Даже то, как она вдохнула.

– Я… – начала Софи и замолчала.

Алан посмотрел на её рот.

Это длилось совсем недолго. Затем он опустил голову, осторожно выпрямил сначала один её палец, потом другой и повернул бутылку. Стекло скользнуло по коже, и рука освободилась.

– Вот, – сказал он.

Голос прозвучал непривычно глухо.

Софи посмотрела на красные следы возле костяшек. Алан всё ещё держал её ладонь. Он провёл по одному следу подушечкой пальца – очень легко, словно проверяя, не поранено ли, – и тотчас отпустил.

Она убрала руку с его плеча.

Вместе с этим простым движением всё снова стало возможным: взять ноты, слезть со стола, поправить юбку. Софи попыталась сделать всё сразу. Алан поддержал её за локоть, когда она встала, и отступил, едва убедился, что она стоит ровно.

– Тебе нужно умыться и выпить воды.

– Я могу идти.

– Я вижу.

Он вложил ноты ей в свободную руку. Вторую Софи спрятала в складках юбки; ей почему-то хотелось сохранить на ладони тепло его пальцев.

Возле двери она задержалась.

– Ты расскажешь?

Алан посмотрел на неё.

– Про грушу, – быстро добавила она.

– Нет.

Она кивнула. Ей очень хотелось спросить ещё кое о чём, но теперь смелость куда-то исчезла. В голове было слишком много ощущений, и каждое мешало найти слова.

На лестнице им встретилась Нэнси с охапкой чистого белья. Алан попросил её помочь Софи переодеться: на манжете осталось пятно. Горничная забрала ноты и с озабоченным видом посмотрела на покрасневшую руку своей барышни.

– Я сейчас принесу воды, мисс.

– Спасибо, Нэнси.

Софи обернулась к Алану, но он уже спускался. У нижней ступеньки его остановила её мать. Они о чём-то поговорили. Софи слышала его голос и не могла разобрать слов – как утром, когда он только приехал.

Она ждала, что он поднимет голову.

Он не поднял.

В своей комнате Софи села возле умывального столика. Нэнси принесла воду, помогла расстегнуть манжеты и оставила её ненадолго одну. Софи опустила пальцы в прохладную воду. Красные следы на коже стали бледнее.

Нужно было стыдиться. Взрослая девушка, которая украдкой пьёт из отцовской бутылки, а потом не может вынуть оттуда руку, – Томасу хватило бы этого рассказа на год. Софи даже тихо засмеялась, представив его лицо. Но смех сразу оборвался.

Она сказала Алану правду.

Положив мокрые ладони на край таза, Софи долго смотрела на собственные пальцы. Вспоминала, как он держал их, как вдруг перестал улыбаться. Он услышал. По крайней мере, теперь он знал.

Она всё ещё боялась их следующей встречи. И всё-таки не хотела, чтобы сказанное исчезло.

* * *

Алан задержался возле лошади, поправляя перчатку, которая и без того сидела как следует.

Миссис Уитфилд просила его остаться к чаю. Он отказался, сославшись на письмо, которое требовало ответа до вечера. Письмо действительно лежало у него дома. Утром оно не казалось таким срочным.

Он вложил ногу в стремя, сел и лишь тогда позволил себе посмотреть на верхние окна.

Софи была там, в одной из знакомых комнат. Вероятно, уже жалела о своей откровенности. Завтра ей станет неловко, и он должен будет помочь ей забыть этот случай. Прийти, заговорить как обычно, дать понять, что ничто не изменилось.

Алан собрал поводья, но не тронул лошадь.

Он помнил её тёплую ладонь у себя на плече. Несколько волосков, скользнувших по подбородку. Её поднятое лицо, когда он оказался так близко, – и собственное внезапное желание наклониться ещё немного.

От этого воспоминания у него снова напряглись пальцы.

Он привык касаться её без всякой мысли. Теперь, стоило представить, как завтра он возьмёт её за руку, перед глазами возникали её губы.

Алан наконец направил лошадь к воротам. Он ехал медленно, глядя на дорогу, и впервые за много лет не знал, когда снова сможет приехать в этот дом.

Глава вторая

На следующий день Софи переписала письмо к кузине начисто и ни словом не упомянула о том, что произошло в кабинете.

Она рассказала о прогулке, о лошади Томаса, которая, по общему мнению, прыгала через изгороди только в его рассказах, и о новом платье. В конце приписала: «У нас всё по-прежнему» – и долго смотрела на эти слова, прежде чем сложить лист.

Красные следы на пальцах почти исчезли. При утреннем свете происшествие с бутылкой казалось гораздо нелепее, чем накануне. Софи помнила всё: собственные объяснения, смех Алана, то, как легко сказала ему правду. Она даже помнила пыль на его плече. Только его взгляд теперь никак не удавалось понять. Вчера ей казалось, что в нём было что-то совсем новое. Сегодня она боялась, что сама это придумала.

За завтраком отец спросил, куда подевалась его грушевая настойка.

Софи уронила ложечку.

– Она в кабинете, – сказала мать. – Кажется, вы сами оставили её на столе.

– Странно. Я был уверен, что убрал в шкаф. Нортон вчера хотел на неё посмотреть. Придётся послать за ним ещё раз.

– Боюсь, он захочет не только посмотреть, – заметил Томас.

Отец согласился, и разговор перешёл к мистеру Нортону. Софи подняла ложечку и постаралась доесть яйцо. Оказалось, что её тайна вполне могла существовать посреди обычного завтрака, не меняя ни звона посуды, ни разговоров домашних. От этого было немного легче и почему-то одиноко.

К полудню она перестала надеяться, что Алан приедет утром.

После обеда мать попросила помочь ей разобрать бельё для деревенской семьи, у которой недавно сгорел дом. Они работали в комнате рядом с кладовой. Софи складывала детские рубашки, отмечала на листе недостающие вещи и прислушивалась к шагам за дверью. Один раз ей показалось, что внизу засмеялся Алан. Она ошиблась.

Вечером Томас осведомился, почему тот не приехал: они собирались вместе посмотреть молодую лошадь ещё раз. Софи продолжала перебирать ноты. Теперь, когда отсутствие Алана заметил кто-то другой, стало чуть спокойнее. Значит, она не требовала слишком многого, ожидая его с самого утра.

На другой день Томас сам съездил к нему и вернулся с известием, что Алан занят письмами и счетами.

– Совсем одичал, – сообщил он за обедом. – Вместо того чтобы предложить мне вина, показал какие-то ведомости. Я едва спасся.

– Вероятно, он хотел попросить совета, – сказал отец.

– Тогда ему следовало начать с вина.

Софи засмеялась вместе со всеми. Потом спросила, как будто это только что пришло ей в голову:

– А он не говорил, когда приедет?

– Кажется, собирался завтра. Или послезавтра. Я не запомнил.

Она опустила глаза к тарелке.

После обеда Эдвард нашёл её в саду. Софи подвязывала молодые побеги розы, хотя садовник просил оставить это до его возвращения. Ветер то и дело вырывал ленту из пальцев.

– Хочешь, подержу? – предложил брат.

Она благодарно уступила ему ветку.

Некоторое время они работали молча. Эдвард держал побег осторожно, не сминая нежных листьев. Софи завязала ленту и отступила, проверяя, достаточно ли свободным получился узел.

– Вы с Аланом поссорились? – спросил он.

Она слишком резко повернулась.

– Нет. Почему?

– Ты расспрашивала о нём за обедом.

– А разве это означает, что мы поссорились?

Эдвард посмотрел на неё внимательнее.

– Ничего не означает. Я просто спросил.

Софи снова взялась за ленту, хотя узел уже был завязан. Ей хотелось рассказать брату всё и немедленно запретить ему задавать вопросы. Обе возможности были одинаково невыносимы.

– Мы не ссорились, – повторила она тише.

– Хорошо.

Он отпустил ветку только тогда, когда убедился, что она держится. Потом заговорил о своей поездке в имение, и Софи была благодарна ему за это больше, чем сумела показать.

К четвёртому дню она уже знала, в какие часы ожидание бывает особенно мучительным. До завтрака Алан почти никогда не приезжал. К вечеру надежда ослабевала: если он не появлялся к обеду, оставалось совсем немного вероятности, что приедет позже. Хуже всего было между одиннадцатью и часом, когда каждый звук со двора мог оказаться стуком его лошадиных копыт.

Софи стала уходить в это время из дома.

* * *

Алан получил от Уитфилдов две записки. В первой Томас требовал вернуть книгу, которую сам оставил у него зимой. Во второй миссис Уитфилд приглашала его обедать в пятницу и просила передать матери, что будет рада видеть её вместе с ним.

На вторую записку следовало ответить немедленно.

Алан сел за стол и несколько минут смотрел на чистую бумагу. Потом отодвинул её и взял письмо из Франции.

Дядя Уильям снова был нездоров. Он писал об этом вскользь, гораздо подробнее описывая неполадки в своём хозяйстве возле Бордо. Управляющий хотел уйти, человек, которого прочили ему на смену, не внушал доверия; в счетах за прошлый год оставались неясности. Дядя просил приехать, если Алан всё ещё намерен выполнить данное зимой обещание.

Он намеревался. Поездка готовилась давно, но до сих пор состояла из писем, примерных сроков и разговоров о том, что следует сделать до отъезда. Теперь можно было назначить день.

В комнату вошла мать.

– Мне сказали, ты отменил поездку к Льюисам.

– Я должен закончить с бумагами.

Она взглянула на стол. Письмо Уитфилдам лежало отдельно, с одной только датой вверху.

– Ты собираешься уезжать раньше?

– Думаю, в конце месяца.

Мать села напротив. В её лице появилась та сосредоточенность, с которой она принимала решения, уже зная, что спорить бесполезно.

– Ты говорил о конце июня.

– Если я нужен дяде, нет смысла откладывать.

Это было верно. Алан ощутил облегчение, произнеся вслух вполне достаточную причину своего решения.

Мать спросила, сколько времени он рассчитывает пробыть во Франции.

– До следующей весны. Возможно, дольше. Я смогу сказать точнее, когда увижу, что там происходит.

– Уильям наверняка пишет, что ничего серьёзного нет.

– Разумеется.

Они улыбнулись друг другу. Дядя давно выучил, что любую неприятную новость легче сообщать после двух страниц о погоде и урожае. Мать знала его лучше, чем Алан, и потому тревожилась сильнее.

– Я рада, что ты поедешь, – сказала она наконец. – Но буду скучать.

Он накрыл её руку своей.

– Я стану писать.

– Знаю. И всё-таки буду скучать.

После её ухода Алан ответил на приглашение миссис Уитфилд.

В пятницу он приедет. У него будет достаточно деловых новостей, чтобы говорить об отъезде, о дороге, о дяде. Софи, вероятно, обрадуется возможности держаться в стороне. Она тоже не захочет вспоминать кабинет.

Ему хотелось увидеть её. За эти дни желание стало таким настойчивым, что он несколько раз садился на лошадь с намерением ехать к Уитфилдам и сворачивал на другую дорогу. В последний раз он понял, что заранее представляет её выход в гостиную: как она остановится возле двери, куда посмотрит, улыбнётся ли ему.

Алан взял ещё один лист и принялся составлять список вещей, которые требовалось закончить до отъезда.

* * *

В пятницу Софи узнала о приезде Алана от матери, когда спустилась после прогулки.

– Он будет к пяти, – сказала миссис Уитфилд. – Надеюсь, ты успеешь переодеться. И, пожалуйста, попроси Нэнси проследить за твоим подолом: на нём половина садовой дорожки.

До пяти оставалось больше часа.

Софи успела переодеться, распустить и снова заколоть волосы, отказаться от голубой ленты и рассердиться на себя за то, что всё это имеет значение. Внизу хлопнула дверь. Она сидела перед зеркалом, держа в руках брошь, и никак не могла попасть булавкой в застёжку.

Нэнси помогла ей.

Когда Софи вошла в гостиную, Алан разговаривал с отцом. Он тотчас повернулся к ней.

– Добрый вечер, Софи.

– Добрый вечер.

Она подошла и протянула руку. На этот раз сама.

Он взял её пальцы, ненадолго задержал их в своей ладони и отпустил. Софи почувствовала его взгляд на своей руке – или ей только показалось. Следов почти не было видно.

– Надеюсь, ты здорова? – спросил он.

– Вполне. А ты?

– Тоже.

Оба замолчали. Впервые за всё время знакомства им понадобилось придумывать, о чём говорить.

– Ты вернул Томасу книгу? – спросила Софи.

Алан посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло облегчение.

– Да. Хотя он ещё не доказал, что она принадлежит ему.

– Он сказал, что на полях есть его замечания.

– В основном пятна. Я предлагаю сравнить их с пятнами на других его книгах. Возможно, удастся установить владельца.

Софи рассмеялась. Ей сразу стало легче. Он тоже улыбнулся, и на несколько мгновений показалось, что опасаться было нечего.

Мать попросила Софи налить чай. Алан отступил к отцу, продолжая начатый разговор. Софи переставила чашки на подносе, открыла чайницу и услышала:

– Значит, уже в конце месяца?

Она не сразу поняла, что речь об отъезде.

– Да, – ответил Алан. – Я рассчитываю сначала заехать в Лондон. Надо встретиться с человеком, который вёл здесь дела дяди.

Софи положила ложечку на блюдце.

– Ты уезжаешь во Францию?

Он повернулся.

– Да. Мне казалось, ты знаешь.

– Ты говорил о письме. Я не поняла, что ты собираешься ехать.

Мать объяснила что-то о его дяде, о его здоровье, о том, как давно он просил племянника приехать. Софи слушала, старательно удерживая в памяти каждое слово. Поездка обсуждалась ещё зимой. Значит, дело было вовсе не в том, что она сказала Алану.

Она налила ему чай и передала чашку.

– Надолго?

– Пока трудно сказать. По меньшей мере на год.

Мать пододвинула к ней сахарницу, решив, что дочь ищет её взглядом.

– Благодарю, – сказала Софи.

Алан что-то добавил о том, что надеется разобраться быстрее. Отец покачал головой: прежде следовало понять, с чем предстоит разбираться. Томас спросил, что именно дядя выращивает в своих виноградниках, и получил в ответ, что, по последним сведениям, всё ещё виноград.

Все засмеялись. Софи тоже улыбнулась и лишь потом заметила, что налила чай себе в пустое блюдце.

Она переставила чашку так, чтобы никто этого не увидел.

За обедом Алан рассказывал о дороге и отвечал на расспросы. Он был почти таким, как прежде. Только к Софи обращался реже, чем обычно, и, когда она поднимала глаза, всякий раз смотрел на кого-нибудь другого.

Ей очень хотелось вернуться к тому облегчению, которое она почувствовала, услышав о зимних письмах. Его отъезд был решён давно. Следовало запомнить это и больше не искать в нём никакого особого смысла.

Но все эти четыре дня он не приезжал.

Вечером они ненадолго остались возле фортепиано. Мать ушла проводить гостью, отец с братьями разговаривал у камина. Алан поднял с пола соскользнувший нотный лист и положил на пюпитр.

– Ты сегодня не играешь?

– Могу сыграть, если хочешь.

Он задержал на ней взгляд.

– Только если тебе самой хочется.

Софи села. Ей было нужно занять руки. Она выбрала знакомую мелодию и начала, надеясь, что он останется рядом. Алан отошёл к камину, когда отец окликнул его.

Она доиграла без ошибки. Это показалось ей маленьким, никому не нужным достижением.

Потом он приезжал ещё дважды, и оба раза в доме было много людей. Софи помогала матери собирать для него какие-то мелочи в дорогу, слушала советы отца, спорила с Томасом, уверявшим, что через год Алан вернётся с отвращением ко всему английскому.

– Ничего, – сказала она. – Мы его перевоспитаем.

– Софи возьмётся за тебя лично, – пообещал Томас.

Алан посмотрел на неё поверх стола.

– В таком случае мне лучше вести себя осмотрительно.

Она выдержала его взгляд и улыбнулась. Только потом, поднявшись к себе, обнаружила, как сильно устала за этот вечер.

Ей казалось, что теперь он всё время следит за собой. Раньше мог усесться возле неё на скамью, заглянуть через плечо в книгу, подать руку, даже не глядя. Теперь выбирал кресло напротив. Если ему нужно было что-то показать, клал вещь на стол. Софи старалась убедить себя, что замечает слишком много, но однажды он потянулся убрать с её рукава прилипшую нитку – и опустил руку, не коснувшись.

Она сняла нитку сама.

В последние дни перед отъездом всем нашлось дело. Миссис Уитфилд вспомнила о знакомой, которая возвращалась из Франции прошлой осенью, и послала за адресом гостиницы. Томас составлял список вопросов, на которые Алан должен был ответить из Бордо. Эдвард обещал навещать его мать и рассказывал о собственных планах, словно их жизнь теперь тоже предстояло согласовать с предстоящей разлукой.

Софи никого не просила ни о чём. Ей хотелось, чтобы Алан сам сказал ей что-нибудь, предназначенное только для неё.

* * *

Он приехал проститься после обеда. На следующий день собирался выехать рано, и поэтому теперь всё должно было закончиться обыкновенным визитом: чашка чая, несколько повторённых советов, рукопожатия у дверей.

Софи знала об этом с утра и всё-таки была не готова, когда увидела его шляпу на столике в холле.

Алан стоял у окна, а отец показывал ему письмо к знакомому в Лондоне. Софи прошла мимо них в гостиную, осторожно неся вазу, которую мать велела переставить с каминной полки. У неё оказалось очень много дел, которые непременно следовало закончить именно сейчас.

Когда чай был выпит, Алан поднялся.

Мать обняла его и попросила беречься в дороге. Томас вышел распорядиться о лошади. Отец вспомнил о карте, которую обещал дать, и позвал Эдварда помочь её найти.

Софи осталась возле раскрытой двери на террасу. На дорожке лежала длинная тень от перил. За клумбой садовник собирал в корзину срезанные ветки; слышался сухой треск секатора.

– Ты на меня сердишься? – спросил Алан.

Она обернулась.

Он стоял в нескольких шагах. Так, чтобы их было видно из гостиной, если кто-нибудь вернётся.

– Нет.

– Ты в последние дни очень молчалива.

Софи чуть улыбнулась.

– Я думала, ты, напротив, заметил, как много я говорю.

– Со всеми остальными – да.

Она опустила глаза на его перчатки. Он держал их в руке, сложив одну в другую. На костяшке большого пальца виднелась царапина. Софи захотелось спросить, откуда она, взять его руку и посмотреть поближе. От этой простой мысли сжалось горло.

– Я не знала, что сказать тебе про отъезд, – ответила она. – Ты и так всё решил.

– Софи…

Он подошёл ближе. Она почувствовала движение воздуха, знакомый запах его одежды и чуть отступила, чтобы можно было свободнее дышать.

Алан остановился.

– Мне тоже будет вас недоставать.

Софи кивнула. Ей следовало согласиться, спросить о дороге, пожелать хорошей погоды. Вместо этого она сказала:

– Ты будешь писать?

– Конечно. Эдвард обещал отвечать мне аккуратнее, чем Томас.

– Да. Он будет.

Алан посмотрел на неё с тревогой. Софи поняла, что сейчас заплачет, если он ещё немного постоит рядом и будет так на неё смотреть.

– Я не сержусь, – сказала она. – Правда. Мне просто трудно представить, что тебя так долго не будет.

Он улыбнулся – осторожно, ласково. Совсем недавно она отдала бы многое за такую улыбку.

– За это время у тебя будет столько нового. Поездки, знакомые, балы. Когда я вернусь, ты сама станешь смеяться над нынешними огорчениями.

Софи подняла глаза.

Он всё-таки считал, что это пройдёт. Должно быть, поэтому и был теперь так осторожен: хотел обойтись с ней бережно, пока она сама не поймёт, какая смешная вещь с ней случилась.

Она попыталась представить, что когда-нибудь они вместе посмеются над её признанием. От этой мысли стало так больно, что больше не осталось сил притворяться.

– Пожалуйста, не говори так.

Улыбка исчезла с его лица.

– Я хотел сказать…

– Я понимаю.

Она действительно понимала. Он не чувствовал того же и не знал, как объяснить ей это, не обидев. Софи было даже жаль его – он привык легко с ней ладить, а теперь каждое слово оказывалось неправильным.

Он протянул руку, и она подумала, что сейчас он коснётся её щеки, как в то утро, когда заметил чернила. Ей хотелось этого так сильно, что она невольно подалась к нему.

Алан взял её за пальцы.

Несколько мгновений они стояли молча. Софи смотрела на его руку. На этот раз она знала, что он замечает прикосновение: чувствовала это по тому, как неподвижно он держал её ладонь, как неровно провёл большим пальцем возле сустава.

Её надежда успела ожить прежде, чем он отпустил.

– Береги себя, – сказал он.

Софи выпрямилась.

– И ты.

Из кабинета донёсся голос отца. Он нашёл карту.

Алан обернулся, затем снова посмотрел на Софи, будто хотел добавить что-то ещё. Она постаралась улыбнуться. Ей нужно было, чтобы он ушёл сейчас, пока она ещё могла стоять спокойно.

Он вернулся в гостиную.

Софи осталась на террасе. Сквозь открытую дверь было слышно, как отец объясняет дорогу, как Эдвард обещает прислать письмо сразу после своей поездки. Томас торопил Алана, уверяя, что тот ещё передумает ехать, если простится с каждым дважды.

Она могла бы выйти вместе со всеми. В другое время непременно так бы и сделала: проводила бы его до лошади, продолжила разговор, придумала последний вопрос.

Теперь Софи держалась за перила и смотрела на срезанную ветку у края дорожки. Садовник не заметил её, когда собирал остальные. На самом конце раскрывался маленький лист.

Копыта застучали по двору.

– Софи? – позвала мать из гостиной.

Она обернулась.

– Ты не проводила Алана?

– Мы уже попрощались.

Мать подошла, заметила её лицо и без дальнейших вопросов обняла за плечи. От этого простого сочувствия Софи едва не расплакалась.

– Мы все будем скучать, – сказала миссис Уитфилд. – Но год проходит быстро. Увидишь.

Софи прижалась щекой к её плечу. Она знала: если сейчас начнёт говорить, удержаться уже не сумеет.

* * *

Алан выехал за ворота и остановил лошадь на повороте, где между деревьями ещё был виден дом.

Ему следовало проститься иначе. Он понял это сразу, когда Софи попросила не говорить так, но возле открытой двери уже не нашлось слов. Утешение, которое он приготовил для неё, оказалось жестоким. И всё же за этим сожалением он чувствовал облегчение: прощание закончилось, завтра предстояла дорога.

Алану стало стыдно.

Он оглянулся на дом. С этого места террасы не было видно. Нельзя было узнать, стоит ли Софи там до сих пор или уже вернулась в гостиную.

Он мог ещё повернуть назад. Придумать, что забыл какую-нибудь бумагу. Найти её, сказать, что вовсе не считал её чувства смешными. Взять за руку и остаться рядом, пока она снова не посмотрит на него доверчиво.

Он представил, как она поднимет лицо.

Алан опустил глаза на поводья. Софи ждала от него ответа, которого у него не было. Желание обнять её было слишком ясным; всё остальное становилось труднее, стоило подумать чуть дальше.

Он тронул лошадь.

Дома ему предстояло проститься с матерью, проверить бумаги и закончить сборы. Эти дела были нужны, и он взялся за них с усердием, которое позволило почти до ночи ни на чём другом не останавливаться.

* * *

После ужина Софи поднялась к себе и достала из ящика голубую ленту. Ту самую, которую не надела к его приезду.

Она долго расправляла примятый край, потом позвала Нэнси и попросила завтра приготовить новое платье: мать собиралась с визитом к Нортонам.

– Голубое, мисс?

– Да. И эту ленту.

Софи положила её возле броши. Потом села дописывать письмо кузине. На этот раз она рассказала об отъезде Алана, назвала Францию и Бордо, объяснила, что он нужен заболевшему дяде. Почерк сперва выходил неровным, и ей пришлось писать медленнее.

К концу страницы рука перестала дрожать.

Глава третья

Первое письмо пришло в июле. Эдвард принёс его к завтраку, и Софи узнала почерк Алана ещё прежде, чем брат назвал отправителя. Длинная черта пересекала верхнюю часть конверта: он опять слишком размашисто написал последнюю букву.

Отец попросил читать вслух. Алан благополучно добрался до Бордо, убедился, что дядя гораздо больше нуждается в отдыхе, чем готов признать, и уже успел поссориться с человеком, который обещал за два дня починить крышу над погребом. О крыше он писал весело. О дяде – с осторожностью, выдававшей тревогу. Софи слушала и почти слышала его голос.

В конце стояло: «Передай всем мою любовь. Надеюсь, Софи не забыла, что обещала перевоспитать меня после возвращения».

Томас рассмеялся. Софи тоже улыбнулась. После завтрака, когда Эдвард собирал бумаги, она спросила, можно ли взять письмо.

– Разумеется. Только верни: там есть один вопрос к отцу.

Она прочитала его у себя, сидя возле открытого окна. Читала медленно, словно между словами можно было найти что-нибудь ещё. Алан упоминал собаку дяди, старую лестницу, цвет камня, из которого сложен дом; всё это вдруг стало ей дорого. Но её имя встретилось только однажды.

Перед ужином Софи вернула письмо. Эдвард не спросил, почему на это понадобился целый день.

Летом она познакомилась с Кларой Уоррен. Миссис Нортон привезла её с тёткой на маленький музыкальный вечер. Клара села возле окна и держала на коленях книгу, пока остальные убеждали друг друга петь. Софи сперва решила, что новая знакомая слишком серьёзна. Потом заметила, как та прикрыла книгой улыбку, когда Томас перевернул сразу две страницы и оставил певицу без слов посреди нежнейшего признания.

Софи подошла к ней после песни.

– Вы смеётесь над моим братом?

– Только над его исполнением обязанностей. В остальном я ещё не составила мнения.

– Не торопитесь. Иногда он бывает значительно хуже.

Клара рассмеялась уже открыто, и Софи села рядом.

К осени они стали видеться почти каждую неделю. У Клары была привычка внимательно дослушивать ответ. Софи, привыкшая к семейным разговорам, где все перебивали друг друга из самых дружеских побуждений, сначала даже терялась. Потом поняла, как хорошо говорить с человеком, который никуда не спешит увести твою мысль.

Однажды Клара увидела у неё письмо Алана. Софи поспешно положила его под ноты.

– Плохие новости? – спросила подруга.

– Нет. Напротив. Его дяде лучше.

– Тогда почему ты так огорчилась?

Софи провела пальцем по краю нотного листа.

– Он пишет моему брату.

Клара помолчала. И Софи неожиданно рассказала ей про кабинет – сначала только смешное, про грушу и пальцы. Потом замолчала на середине фразы.

Подруга не стала помогать ей шуткой.

– А ещё я сказала ему, что люблю его, – договорила Софи. – Не совсем этими словами. Но он понял.

Клара взяла её руку. Софи уже приготовилась услышать утешение о будущем, и от одного ожидания защипало глаза.

– Ты хотела, чтобы он знал? – спросила Клара.

– Да.

– Значит, теперь знает.

Софи посмотрела на неё. Впервые признание не показалось ей ни несчастьем, ни проступком. Она сказала правду человеку, которого любила. Клара, по крайней мере, не считала это смешным.

В октябре миссис Блейк привезла племянницу на целый день. Шёл дождь, прогулку отменили, и Софи предложила подняться в комнату, где хранились старые книги и вещи, которым мать никак не находила применения. Там было холодно, пахло бумагой и высохшей лавандой. Клара немедленно заметила сломанную спинку стула и спросила, почему его не отдают починить.

– Потому что тогда придётся решить, куда его поставить, – ответила Софи. – А пока он сломан, все знают, где ему место.

Она искала коробку с цветными карандашами. Хотела нарисовать для матери угол сада, где летом стояла скамья. За два года намерение так и осталось намерением: то не было времени, то рисунок выходил таким жалким, что хотелось спрятать его прежде, чем кто-нибудь увидит. Теперь сад изменился, и Софи вдруг стало важно сохранить хотя бы то, что ещё помнила.

Клара сняла с верхней полки плоскую коробку, подула на крышку и протянула ей. Софи обнаружила внутри огрызок зелёного карандаша, несколько целых коричневых и рисунок, который сделала ещё прошлой весной. На нём конюшня оказалась выше дома.

– Здесь явно живут чрезвычайно уважаемые лошади, – сказала Клара.

Софи расхохоталась. Потом села на подоконник и попыталась объяснить, что собиралась нарисовать. Клара слушала, помогая выбрать бумагу. Она не торопилась брать карандаш или исправлять чужую линию. Софи подумала, что именно поэтому с ней так легко начинать вещи, которые прежде казались невозможными.

Через полчаса вошёл Эдвард. Он искал старый план участка и удивился, увидев их среди открытых ящиков. Софи попросила достать тяжёлую папку. Пока он развязывал тесёмки, Клара спросила об имении, где он собирался работать.

Обычно Эдвард отвечал на такие вопросы коротко. На этот раз объяснил, что ему предлагают начать с переписки и проверки счетов, а позднее поручить больше. Говорил спокойно, но Софи заметила, как он расправил лист, прежде чем положить перед Кларой. Ему хотелось, чтобы она поняла.

– Вам нравится разбираться в чужих затруднениях? – спросила подруга.

Он задумался.

– Мне нравится, когда после этого становится немного проще жить.

– Даже если вас за это не благодарят?

Эдвард улыбнулся.

– Я пока только начинаю. Возможно, ещё не успел разочароваться.

Клара покачала головой и стала расспрашивать дальше. Софи рисовала окно, делая вид, что не слушает. Оказалось, брат умел рассказывать интересно, если его не перебивать на каждом слове. А Клара умела спрашивать так, что сухие подробности вдруг приобретали человеческий смысл.

Когда Эдвард ушёл, она ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь.

– Он очень серьёзный, – сказала наконец.

– Это мешает ему замечать множество вещей, – отозвалась Софи.

– Но позволяет замечать другие.

Софи подняла голову. Подруга уже снова выбирала бумагу, и выражение её лица было совершенно обычным. Только, спускаясь к обеду, она спросила, всегда ли Эдвард так мало говорит при всех.

Вечером мать похвалила незаконченный рисунок. Софи собиралась немедленно объяснить, что у неё неправильно получились деревья, но Клара незаметно коснулась её локтя, и она удержалась. Миссис Уитфилд предложила дорисовать его к Рождеству. Софи согласилась, удивляясь, почему позволить себе похвалу бывает труднее, чем выслушать насмешку.

Позднее она принесла Кларе тёплый платок для дороги. Тётка уже ждала внизу, слуга открывал дверь. Подруга медленно завязала ленты шляпы.

– Ты так много помнишь об Алане, – сказала она вдруг. – А что он любит из того, что любишь ты?

Софи не сразу нашлась с ответом. Они оба любили лошадей, прогулки, весёлые семейные вечера. Она перечислила это и почувствовала, что вопрос был о чём-то ещё.

– Он слушал тебя, когда ты говорила о чём-нибудь важном? – уточнила Клара.

– Конечно.

Но тут же вспомнила, как часто важным оказывалось то, что она старалась рассказать, чтобы рассмешить его. Она знала истории, которые ему нравились, и порой сама выбирала их, отодвигая другие. Даже рисунки прятала: боялась, что он станет добродушно хвалить, как хвалят старание маленького ребёнка.

– Я, наверное, не обо всём рассказывала, – призналась Софи.

Клара посмотрела на неё без жалости.

– Тогда у тебя ещё многое осталось для следующей встречи.

Софи не ответила. Ей хотелось сказать, что, может быть, следующая встреча уже ничего не изменит. Но после отъезда подруги она поднялась наверх и снова раскрыла рисунок. Деревья действительно получились неудачно. Она взяла новый лист и начала с окна, которое видела каждый день. Работала до тех пор, пока Нэнси не пришла напомнить об ужине. В этот вечер ей впервые захотелось закончить вещь прежде всего потому, что она сама могла получиться хорошей.

Зимой стало легче. Софи много ездила верхом, помогала матери, вместе с Кларой разучивала музыку. Она обнаружила, что хорошо запоминает лица и разговоры, умеет рассмешить робкого собеседника и не обязана соглашаться с каждой пожилой дамой, хотя говорить об этом вслух следовало осторожнее, чем с Томасом.

В феврале ей исполнилось девятнадцать. Алан прислал через мать шёлковый платок. Подарок выбирала, вероятно, сама миссис Хартвелл: именно такие спокойные цвета она любила. Софи поблагодарила её и не стала расспрашивать.

Весной выяснилось, что Алан задержится. Дяде требовалось лечение и покой; найти надёжного управляющего удалось только к концу зимы. «Я не могу бросить его сейчас», – написал Алан Эдварду. Софи прочитала эту строку несколько раз. Она понимала. И всё-таки вечером долго стояла у шкафа, не зная, зачем открыла его.

В тот год они с матерью провели часть весны в Лондоне. Софи впервые увидела так много людей, которым ничего не было известно ни о её детских проделках, ни об Алане. С ней разговаривали серьёзно. Её приглашали танцевать. Один молодой человек оказался настолько уверен в собственной привлекательности, что Софи весь вечер думала, как рассказал бы о нём Алан, а потом рассердилась: даже чужое ухаживание она мысленно превращала в разговор с отсутствующим человеком.

На одном из небольших вечеров её попросили сыграть. Софи согласилась, а сев за незнакомое фортепиано, вдруг почувствовала, что забыла начало. В комнате продолжали разговаривать, кто-то передвинул стул. Ей стало невыносимо неловко, словно все уже заметили её растерянность.

Прежде она посмотрела бы на Алана. Нашла бы его среди слушателей, увидела насмешливо ободряющее лицо и вспомнила музыку вместе с возможностью посмеяться над собствен-

ной оплошностью. Теперь смотреть было не на кого. Мать разговаривала с хозяйкой у другого окна.

Софи положила руки на колени, вдохнула и сказала пожилой даме, сидевшей рядом:

– Кажется, я так стремилась исполнить вашу просьбу, что опередила собственную память.

Дама засмеялась и спросила, не принесут ли ей ноты. Софи поблагодарила, подождала, пока слуга найдёт нужную папку, и сыграла. На середине первой страницы пальцы перестали дрожать. Она услышала мелодию, почувствовала тяжесть клавиш и к концу уже забыла, как испугалась вначале.

В карете она неожиданно рассмеялась.

– Что такое? – спросила мать.

– Я думала, что умру со стыда возле фортепиано.

Миссис Уитфилд посмотрела на неё с удивлением.

– Мне казалось, ты прекрасно справилась.

Софи кивнула. Она справилась сама, и от маленького происшествия осталось гораздо больше удовольствия, чем стыда.

Позднее рассказала Кларе. Та попросила показать место, на котором Софи запнулась, и они вместе сыграли мелодию, намеренно начав со второй страницы. Это оказалось трудно и смешно. В какой-то момент Софи поняла, что уже целое утро не вспоминала об Алане. Мысль уколола, как будто она забыла человека, которому обещала внимание. Но потом Клара ошиблась, они начали заново, и чувство вины постепенно исчезло.

Она стала чаще спрашивать себя, чего хочет сама. Иногда ответ был прост: поехать с Кларой на прогулку, послушать новую певицу, прочитать книгу, которую отец считал скучной. Иногда ответа не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.